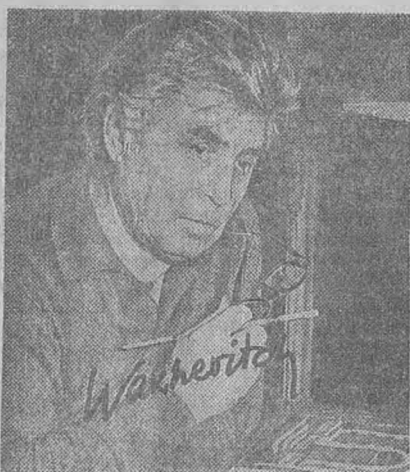

Кисть и шпага Юрия Вакхевича

КАК МЕСЬЕ Журден, мольеровский мещанин во дворянстве, говорил прозой, сам того не осознавая, так и большинство из нас с детских лет знает Юрия Вакхевича, даже не слышав никогда его фамилии. Картины его известны каждому, мало-мальски знакомому с французским кино. Юрий Леонидович Вакхевич, он же — Жорж Вакхевич, он же — просто Ваке (так для французов проще), был художником кино и театра Вакхевич — это и ставшая классикой «Великая иллюзия» Жана Ренуара, и романтический «Двуглавый орел» Жана Кокто, и искрометный «Рюи Блаз» с Жаном Маре. И еще — «Секрет Майерлинга», «Мари-Октябрь», «Оскар», «Таманго», «Три мушкетера»... Вакхевич — это целая эпоха и в истории сценических искусств. Эпоха, связанная с Федором Шалапиным и Сергеем Лифарем, Сергеем Дягилевым и Артюром Адамовым, Саша Гитри и Роланом Пети...

«Какой артист во Франции не знает Ваке! Он был императором на сцене, самым грандиозным из известных мне декораторов!» — Робер Оссейн. «Жорж Вакхевич был архитектором, который никогда не забывал, что он и художник. В его воображении жила Вселенная», — Рене Клер. «И в самом деле, талант его бесценен!» — Жан-Луи Барро.

...Грубый стол с чернильницей, лавка с глиняными кувшинами, вытянувшаяся вдоль пыльной стены шеренга ружей, оштетнившихся штками... Казарма гвардейцев. Все — фылое и расплавленное от жаркого солнца. Его изнуряющие лучи почти ощутимы. Они сочатся сквозь массивную решетку ворот, отгородивших «блудителей порядка» от арены боя быков. Ее грязные стены тоже, кажется, раскалены Усталость и безысходность. И вдруг в темной арке между колоннами вспыхивает живой огонек! Такой яркий, что становится больно глазам! Это алое платье Кармен. Эскиз Вакхевича к «Кармен», созданный для Театра оперы в Монте-Карло. Маленькая гуашь, но какая экспрессия! А ведь Вакхевич никогда не был чистым рисовальщиком, его призвание — декорации.

Переходящий в черный, коричневый,

пронзительный синий, незаметно для глаза превращающийся в серый, и торжественно сочный красный — тот самый «багрянец Вакхевича», по которому искусствоведы сразу узнают его декорации. — любимые цвета художника. Цвета русской иконописи. Соотечественник, современник, а порой и соперник Льва Бакста, Александра Бенуа, Сергея Пименова, кто он прежде всего — Юрий Вакхевич? Архитектор сцены и съемочной площадки или мастер интерьера? А может быть, он в первую очередь специалист по костюмам: по эскизам одежды, выполненным Ваке, в пору изучать историю костюма от античной древности до наших дней... Декорации и костюмы к более чем 50 фильмам, 200 операм и 100 спектаклям. Он работал во Франции и Марокко, Англии и Бразилии, США и ФРГ, Италии и Афганистане, Австрии и Испании... И никогда — в СССР.

— Легко и образно говоривший по-французски, Жорж так и не избавился от русского акцента. А может, и не хотел этого? — вспоминает Жанна Вакхевич-Ренуччи. Корсиканка по происхождению, тоже художник-декоратор, она была помощницей и спутницей Юрия Вакхевича на протяжении последних двух десятилетий его жизни. — Жорж не любил много говорить. Особенно когда речь заходила о России. Эта страна была его раной: Жорж всегда считал себя ее сыном, а она не знала его. Знала только фильмы, в переводных гитрах которых фамилия Вакхевича указывалась далеко не всегда.

Кажется, солнце и радость жизни воплотились в этой редкой фамилии, которая досталась художнику в наследство от предков-греков с острова Крит. В 1907 году в Одессе в семье инженера-кораблестроителя родился мальчик. Ему суждено будет пережить бегство с матерью через румынскую границу, эмиграцию... Он все выдержит, чтобы прийти к дню своей победы — 24 мая 1983 года. Ладно сидел на нем расшитый зеленой вязью фрак, надетый в первый раз. Рядом, на скамьях всемирно известного амфитеатра, восседали мэтры французского искусства, хранители его традиций. «Бесмертные» академики! Теперь во Французскую академию принимали действительным членом и его, первым из художников-декораторов Седой, невысокий, несколько отяжелевший с годами, но не потерявший подвижности, Вакхевич выглядел помолодевшим, когда читал вступительную речь. Рассказывают, левая рука его все время тянулась потрогать эфес академической шпаги. Такова традиция: тот, кто избирается в члены академии, записывает себе фрак с позументами и шпа-

гу. Фрак Вакхевич сделать успел, а вот шпагу — нет: дела заели. А жалы! Он так мечтал об этой символической, но все-таки шпаге.

Мушкетеры испанские гранды, дворяне-дуэлянты... Вакхевич любил героев Дюма и Шекспира Гюго и Ростана. С какой тщательностью выписаны на его эскизах д'Артаньян, Тибальт, Дон-Жуан, Сирано! Как-то Вакхевич признался, что в юности начал учить французский, сравнивая оригинал «Трех мушкетеров» с русским переводом. Через все годы пронес он мушкетерское понимание жизни: верность друзьям, честность и щедрость.

ЖАННА ВАКХЕВИЧ-РЕНУЧЧИ — резкая, стремительная, порывистая. Мы сидим в кафе, что на углу двух забитых машинами улочек в районе парижских Больших бульваров. Эту шумную, разноязыкую, торгово-театральную магистраль любили эмигранты всех поколений российского зарубежья. Разве не символика: левее от нашего кафе — площадь Дягилева, а чуть правее, подальше — площадь Игоря Стравинского! Так и обозначено на карте Парижа.

— Приехав во Францию, семья Вакхевичей сначала поселилась недалеко от города Маноск в предгорьях Альп Верхнего Прованса, — вспоминает Жанна. — Жорж рассказывал, что поросшее вереском и ковылем поля вокруг их поселка напоминали ему степи под Одессой.

Жанна рассказывает о том, как обрадовался Вакхевич, перебравшись на Монпарнас — давний парижский «русский квартал». О том, как он вошел в лицее «Бюффон» в театральную группу «Синие запяты» вместе с Адамовым, будущим известным драматургом, и Кравченко, будущим известным математиком. О том, как Юрий помогал найти путь в жизни младшему брату Михаилу — в будущем известному оператору, одному из зачинателей французского телевидения. О том, как Юрий Вакхевич, еще ассистент художника, делал свои первые фильмы. немые: «Тараканова» с Борисом Былинским в качестве главного художника и «Белый дьявол» по толстовскому «Хаджи-Мурату» (режиссер — Волков, художник — Лошаков) с великим Иваном Мозжухиным в главной роли...

«В 1925 году я узнал, что такое настоящий драматический театр. В Театр на Елисейских полях Станиславский привез свою московскую группу, освещенную знаменитым занавесом из серого бархата с белой чайкой. В числе других пьес они играли и «Вишневый сад» Антона Павловича Чехова...

Когда завершилось выступление самых известных во всей России актеров, в зале можно было увидеть другой волнующий спектакль. Все артисты, выстроившись перед ярким светом рамп, приветствовали зрителей. Станиславский и Немирович-Данченко — в центре. Полная тишина. Публика плакала. В зале сидели люди, увидевшие среди тех, кто на сцене, родственников и друзей. Рампа — безжалостная граница! — разделяла их, видимо, навсегда...

«Изнанки декораций» — назвал Юрий Вакхевич свою книгу. О чем она? О театре, живописи, кино... И, конечно, о мире российского Парижа между двумя войнами. О том мире поэтов и князей, авантюристов и генералов, нищих и миллионеров, который нам еще открывать и открывать. Знает ли читатель инженера Владимира Юркевича, балерину Ольгу Преображенскую, кинопродюсеров Лазаря Меерсона и Александра Мнушкина,

ить декорации по макету Андреева, знаменитого русского художника-декоратора, работавшего в Германии. Режиссер Пабст снимал «Дон Кихота» с Федором Шалапиным в главной роли... Погреб, который мне предстояло изобразить, представлял собой низкую комнату с огромными балками. На них висели мехи, якобы наполненные вином из Риохи. Я увидел его в первый раз, и он поразил меня. Шалапин прибыл на съемочную площадку уже одетым и великолепно загримированным. Дон Кихот собственной персоной! Только окруженный целой свитой помощников режиссера, костюмерш и в сопровождении личного секретаря. Несколько раз повторили сцену, не прикасаясь к мехам. Вниманию! Мотор!..

Шалапин расходится, делает выпады шпагой. После первого же удара распадается один из мехов, обрушивая на него струи ледяной воды (дело было зимой). Шалапин дрожит от холода. Съемка пре-

Ю. Вакхевич. Эскизы костюмов к спектаклю Венского городского театра «Сирано де Бержерак» (1974)

писателя и режиссера Николая Евреинова, художника Павла Челищева, воина и дипломата Зиновия Пешкова?.. Удивительной была эта Россия-на-Сене, о которой вспоминает Юрий Вакхевич!

А как долго человек живет своими воспоминаниями? «Когда пишу, гажость, извечно гнетущая меня, исчезает. Я уношусь далеко от людей, виновных в бесполезных и бесконечных побоищах, свидетелем которых я стал на пороге зрелости и которые наложали печать на всю мою жизнь». Не потому ли Вакхевич так подчеркнута античен в декорациях к «Гражданской войне» Анри де Монтерлана? Художник ожесточенно пунктуален в изображении лат и катапульт, сандалий и шлемов, но все равно трудно отрешиться от ощущения того, что он творит декорации не флешей легионеров Помпея, а окопов в степи на Украине. И закатное небо над столицей империи не по-италийски легкое, а кроваво-тревожное, скифское...

«В 1934 году меня пригласили постро-

рывается. Дубль! Шалапин переодевается, возмущаясь непредусмотрительностью организаторов, из-за которых он рискует подхватить воспаление легких. Он все время повторяет мне по-русски:

— Да скажите же вы им, что я — старый человек! Им должно быть стыдно подвергать меня этим мукам!

И все-таки артист в Шалапине берет верх, и он еще трижды выходит на съемочную площадку. За эти несколько часов я многое узнал о том, что такое великий актер»

Профессиональное неистовство, творческая одержимость... Вакхевич мог работать, не зная усталости. Даже за обеденным столом он не расставался с карандашом, пером...

ВАКХЕВИЧ не разделял откровенной тоски большинства русских эмигрантов по старой России. Не нуждаясь ни в чьей поддержке, не участвовал в эмигрантском движении. Он

всю жизнь мечтал поставить спектакль на Родине, в России. И возможность такая появилась: в 1983 году в Париже побывал Георгий Товстоногов, предложивший Вакхевичу работу в Ленинграде. Но вскоре художника не стало.

Лишь незадолго до смерти, будто чувствуя, что он еще не все сказал, художник принялся жадно писать пейзажи и абстрактные композиции, натюрморты и портреты. Холмы Нормандии, расцвеченные его излюбленными красками: синей, темно-коричневой и красной. Страшные рыбы: губастые, пучеглазые, превращающиеся в ребристый скелет. И клоуны: общий шутовской колпак венчает головы этих людей — таких непохожих, насмешливых и грозных...

«Художник должен любить жизнь и показывать нам, что она прекрасна; иначе мы сомневались бы в этом», — сказал Юрий Вакхевич в своей вступительной речи во Французской академии, цитируя своего любимого писателя Анатоля Франса.

Вакхевич любил жизнь страстно. И так же страстно защищал ее от посягательств тех, кто не живет, а существует. Защищал кистью, как шпагой. Да и что бы сделала шпага академика в тот долгий день, когда в дом Вакхевича в нормандском городке Лез-Андела приехала «неотложка» с врачами, не способными оказать первую помощь? Четыре часа маялся в субботу на носилках французский академик с не-французской фамилией, ожидая места в больнице.

— Потом звонил министр культуры Жак Ланг: «Где вы были, мадам? Почему сразу же не обратились ко мне? Я бы выслал эскорт мотоциклистов, месье Вакхевичу оказали бы помощь в лучшей парижской больнице!..» Что мне было отвечать? — Отводит глаза в сторону Жанна. — Что в выходной день в министерстве ни до кого, кроме как до дежурного, не докличешься?.. Что любые привилегии были противны его естеству?

Увидеть его работы, а значит, и безоглядно влюбиться в Вакхевича можно в единственном во Франции — а может, и в мире? — музее декорации. Созданный в старинном городе Лувье, он так и назван: «Фонд имени Вакхевича». Лишь однажды увидев декорации художника, Огиль Пруст, мэр Лувье, задалась целью собрать в здании бывшего монастыря большинство его работ. Проявив изворотливость политика и одержимость театралом, она сумела спасти от публичной распродажи наследие Вакхевича всего за двадцать минут до начала торгов в парижской галерее Дроу...

Какие бы темные бездны и жуткие пропасти ни зияли на его декорациях, обязательно можно увидеть лестницу, перекидной мостик или стремянку... В крайнем случае — луч света, падающего свисающего, с далекого неба. А значит, и надежду!

Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ПАРИЖ